Пров. 1959
640
37

Первый (малороссійскій) періодъ жизни и научно-философскаго развитія Григорія Савича Сковороды [1]).

Украинскій философъ XVIII вѣка Григорій Савичъ Сковорода второю половиною своей жизни, наиболѣе плодотворною, принадлежалъ Слободской Украинѣ, въ которой, наконецъ, и сложилъ свои старыя кости. Родившись собственно въ Малороссіи и получивъ въ Кіевской Академіи научно-философскую закваску, онъ здѣсь началъ вырабатывать оригинальное философское міровоззрѣніе, но раскрылъ его въ своихъ сочиненіяхъ и распространялъ ихъ преимущественно въ Свободской Украинѣ. Въ чемъ состоитъ сущность философіи Сковороды и какого она направленія и достоинства, объ этомъ судили и судятъ различно; но всѣ, особенно новѣйшіе изслѣдователи сочиненій Сковороды, болѣе или менѣе согласны въ томъ, что Сковорода, будучи преимущественно философомъ-моралистомъ, и своею жизнію, и живымъ словомъ и сочиненіями указывалъ современному ему обществу высокій нравственный идеалъ и велъ неустанную борьбу противъ тогдашняго матеріализма и утилитарнаго направленія умовъ, заглушавшаго высшіе запросы духа. Это былъ для того времени ходячій университетъ съ идеальными стремленіями, немало подготовившій почву для учрежденія осѣдлаго Харьковскаго университета. Въ 1802

[1]) Рефератъ, читанный на XII археологическомъ съѣздѣ въ Харьковѣ, въ засѣданіи 22 го августа 1902 года.

году первыми изъ подписавшихся на сумму въ 400,000 руб. для основанія Харьковскаго университета были все или ученики, или короткіе знакомые и друзья Сковороды.

Но первая половина жизни Гр. Сав. Сковороды, въ которую вырабатывалось его міросозерцаніе, доселѣ остается весьма мало извѣстною въ подробностяхъ. Извѣстная. лучшая доселѣ біографія Сковороды, написанная ученикомъ и другомъ его М. И. Ковалинскимъ, часто страдаетъ отсутствіемъ точныхъ хронологическихъ данныхъ о разныхъ событіяхъ изъ жизни Сковороды и потому не даетъ возможности прослѣдить генезъ философскихъ воззрѣній Сковороды и указать тѣ научно-философскія вліянія, подъ которыми складывалась философская система Гр. Савича Сковороды.

Въ настоящій разъ мы попытаемся: 1) возстановить хронологію событій изъ жизни Сковороды въ Кіевѣ и Малороссіи, и 2) намѣтить, хотя въ самыхъ общихъ чертахъ, тѣ вліянія, подъ которыми складывались философскія воззрѣнія Сковороды.

I.

По словамъ Ковалинскаго, „Григорій (сынъ Саввы) Сковорода родился въ Малой Россіи, Кіевскаго Намѣстничества, Лубенской округи, въ селѣ Чернухахъ, въ 1722 году. Родители его были изъ простолюдства: отецъ—козакъ, мать—такого же рода“ [1]). Свѣдѣнія эти о мѣстѣ рожденія и родителяхъ Сковороды подтверждаются и оффиціальными данными, отысканными Д. И. Багалѣемъ, изъ коихъ видно, что отецъ нашего философа „Савка Сковорода“ числился

---

[1]) „Сочиненія Григорія Саввича Сковороды, собранныя и редактированныя проф. Д. И. Багалѣемъ. Юбилейное изданіе (1794—1894 годъ)“, Харьковъ, 1894 г., отд. 1, стр. 2.

среди малогрунтовыхъ (т. е. малоземельныхъ) козаковъ с. Чернухъ, Чернухской сотни, Лубенскаго полка[1]).

По обученіи дома грамотѣ и даже церковному пѣнію, Григорій Савичъ, согласно его желанію, отданъ былъ отцомъ въ Кіевскую Академію и, вѣроятно, поступилъ въ низшій классъ ея, называвшійся аналогіею. Это было еще до воцаренія Елизаветы Петровны, такъ какъ при вступленіи ея въ 1741 году на престолъ Сковорода выбранъ былъ ко двору въ пѣвческую капеллу и отправленъ въ Петербургъ. Въ это время Сковородѣ было уже около 18 лѣтъ.

„Онъ недолго находился тамъ,—говоритъ Ковалинскій. Императрица скоро предпріяла путешествіе въ Кіевъ, и съ нею весь кругъ двора. Сковорода прибылъ туда при возвратномъ отбытіи двора въ С.-Петербургъ, получа увольненіе съ чиномъ придворнаго уставщика, остался въ Кіевѣ и паки началъ учиться“ [2]). А Елизавета Петровна выбыла изъ Кіева въ сентябрѣ 1744 года[3]). Слѣдовательно, Сковорода возобновилъ ученіе въ Кіевской Академіи съ 174⁴/₅ учебнаго года.

Въ какой классъ Кіевской Академіи поступилъ на этотъ разъ Гр. Сав. Сковорода, сколько лѣтъ пробылъ въ Академіи и въ какихъ именно классахъ, объ этомъ нѣтъ у Ковалинскаго рѣшительно никакихъ свѣдѣній. Ключемъ къ рѣшенію этихъ вопросовъ служитъ для насъ копія богословскаго трактата Адама Зерникава „Объ исхожденіи Св. Духа“, переписанная 35-ю студентами Кіевской Академіи

---

[1]) Тамъ же, стр. CIX.

[2]) Тамъ же, отд. I, стр. 3. Правда, по ревизской книгѣ 1745 года, Сковорода числился еще въ пѣвчихъ (тамъ же, стр. CIX, CX и 16); но на его родинѣ могли тогда и не знать еще о выбытіи его изъ капеллы, или же продолжали считать его пѣвчимъ, имѣя въ виду почетный титулъ его „придворнаго уставщика“.

[3]) „Описаніе Кіева“, Н. Закревскаго, Москва, 1868 г., т. 1, стр. 83 и слѣд.

для Кіевскаго митрополита Тимоѳея Щербацкаго. Въ числѣ переписчиковъ, обозначенныхъ внизу по листамъ, были Григорій Сковорода и школьный товарищъ его Мирославскій, впослѣдствіи митрополитъ Кіевскій [1]). Тимоѳей Щербацкій вступилъ въ управленіе Кіевскою митрополіею не раньше марта 1748 года [2]), а участвовавшій въ перепискѣ трактата школьный товарищъ Сковороды студентъ Мирославскій окончилъ четырехлѣтній богословскій курсъ въ Академіи въ 1754 году [3]). Въ $174^{8}/_{9}$ и 1749—1750 учебныхъ годахъ оба они, т. е. Мирославскій и Сковорода, должны были слушать въ Кіевской Академіи двухлѣтній философскій курсъ.

Если же Сковорода въ 1748—1750 годахъ былъ студентомъ философіи; то, значитъ, въ 1744 году онъ вторично поступилъ въ Кіевскую Академію въ классъ грамматики и затѣмъ по году былъ въ синтаксимѣ, піитикѣ и риторикѣ. Обращаясь, послѣ этого, назадъ, къ первымъ годамъ обученія Сковороды въ Кіевской Академіи, мы должны предположить, что до отправленія въ капеллу онъ пробылъ въ Кіевской Академіи два года въ классахъ аналогіи и инфимы, и слѣдовательно въ первый разъ поступилъ въ Академію въ 1739 году, около 16-ти лѣтъ отъ роду [4]).

---

[1]) Рукоп. Кіево-Соф. Собора, № 312. Вотъ полный списокъ студентовъ, переписывавшихъ эту копію: Alexander Jasnowodskj, Basilius Jasnowodskj, Basilius Bukowskj, p. Dubniewicz, Andr. Sumianskj, Tomaszewskj, Mylowicz, Waszkiewicz, Chalczynskj, Waszczenko, Staryckj, Wolczansky Procopius, post Paulus abbas Slucensis anno 1763, Jasnohorskj, Leontowicz, Joannes Danilewskj, *Gregorius Skowroda*, Jerżkowskj, Timoszewskj, Krupianskj, Muszynskj, Ihnatowicz, Artemius Tyszczenko, Cirillus Iwanickj, Janowskj, Sofonowskj, Kudria...cz, Woynaranskj, Ioseph. Tumanskj, *Myslawskj*, Ruz-Romanowicz, Kosinskj, Struniawskj, Joannes Szczepetkowskj, Sochanskj.

[2]) Въ Архивѣ Кіев. Дух. Консисторіи указъ Св Синода отъ 10 марта 1748 г., о рукоположеніи Т. Щербацкаго въ митрополиты 6 марта.

[3]) „Самуилъ Мирославскій", Ѳ. Рождественскаго, въ „Трудахъ Кіевской дух. Академіи", мартъ, 1876 г., стр. 513.

[4]) Впрочемъ, эту хронологическую выкладку относительно времени ученія Сковороды въ разныхъ классахъ Кіев. Академіи мы не считаемъ безусловно вѣр-

Объ окончательномъ выбытіи Сковороды изъ Кіевской Академіи и поѣздкѣ его въ чужіе края мы опять-таки встрѣчаемъ у Ковалинскаго самыя общія и неопредѣленныя извѣстія. „Отъ двора,—говоритъ онъ,—отправленъ былъ въ Венгрію къ Токайскимъ садамъ генералъ-маіоръ Вишневскій, который, для находившейся тамъ греко-россійской церкви, хотѣлъ имѣть церковниковъ, способныхъ къ службѣ и пѣнію. Сковорода извѣстенъ знаніемъ музыки, голосомъ, желаніемъ быть въ чужихъ краяхъ, разумѣніемъ нѣкоторыхъ языковъ, представленъ былъ Вишневскому одобрительно и взятъ имъ въ покровительство“ [1]). На это нужно замѣтить, что Токайскими садами въ Венгріи преемственно завѣдывали два Вишневскіе: Ѳеодоръ Вишневскій, генералъ-маіоръ, умершій въ Венгріи въ 1749 году, и сынъ его полковникъ Гавріилъ Вишневскій, назначенный на мѣсто отца 20 ноября 1749 года [2]). Послѣдній могъ проѣзжать черезъ Кіевъ къ мѣсту своего назначенія не ранѣе, какъ въ 1750 году и въ это время могъ взять съ собою Сковороду. Такъ какъ Гр. Сав. Сковорода нерѣдко называемъ былъ и самъ называлъ себя студентомъ богословія, то надобно полагать, что онъ выбылъ изъ Кіевской Академіи уже по переходѣ въ богословскій классъ, въ началѣ 1750—1751 учебнаго года, т. е. осенью 1750 гражданскаго года [3]).

За границей Гр. Сав. Сковорода пробылъ около двухъ съ половиною лѣтъ и возвратился въ Малороссію уже въ первой

ною. Сковорода и Мисловскій могли пробыть въ философскомъ классѣ и три года, съ 174⁷/₈ по 1749—1750. Въ такомъ случаѣ, Сковорода могъ поступить въ Кіевскую Академію въ 1738 году, 15-ти лѣтъ отъ роду.

[1]) „Сочиненія Гр. Сав. Сковороды“, подъ ред. Д. И. Багалѣя, Харьковъ, 1894 г., отд. 1, стр. 3.

[2]) „Преосвященный Ириней Фальковскій, епископъ Чигиринскій“, Г. О. Булашева, Кіевъ, 1883 г., стр. 15.

[3]) Въ такомъ случаѣ, онъ слушалъ начало богословскаго курса у Сильвестра Лящоронскаго.

половинѣ 1753 года. О возвращеніи его сюда Ковалинскій говоритъ слѣдующее: „Возвратясь изъ чужихъ краевъ, наполненъ ученостію, свѣдѣніями, знаніями, но съ пустымъ карманомъ, въ крайнемъ недостаткѣ всего нужнѣйшаго, проживалъ онъ у своихъ прежнихъ пріятелей и знакомыхъ. Какъ и сихъ состояніе не весьма зажиточно было, то искали они случая, какъ бы употребить его труды съ пользою его и общественной. Скоро открылось мѣсто учителя поэзіи въ Переяславлѣ, куда онъ и отправился по приглашенію тамошняго епископа“ [1]). То былъ Переяславскій епископъ Іоаннъ Козловичъ. Между сочиненіями Сковороды есть „Пѣснь 26-я епископу Іоанну Козловичу, входящему во градъ Переяславъ на престолъ епископскій изъ 1750 года“ [2]). Но въ заглавіи этой пѣсни допущена очевидная ошибка въ означеніи года, такъ какъ Іоаннъ Козловичъ хиротонисанъ въ Переяславскаго епископа не въ 1750 году, а 7-го марта 1753 года [3]). Этотъ-то, конечно, епископъ (а не Никодимъ Сребницкій), принявъ Сковороду учителемъ въ Переяславскую семинарію, немедленно и изгналъ его изъ нея за необычное „разсужденіе о поэзіи и руководство къ искусству оной“ и за упорное отстаиваніе имъ этихъ сочиненій своихъ [4]).

Осенью того же 1753 года Сковорода рекомендованъ былъ малорусскому помѣщику Стефану Томарѣ и приглашенъ въ его деревню Кавраи, для обученія сына Томары Василія [5]). Въ январѣ 1754 года Сковорода уже жилъ въ Кавраяхъ. Сюда 25 января, 1754 года, адресовалъ на имя Ско-

---

[4]) „Сочиненія Г. С Сковороды“, Харьковъ, 1894 г., отд. 1, стр. 3.

[1]) Тамъ же, отд. II, стр. 280.

[2]) „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Россійскія Церква“, Павла Строева, С. П. Бургъ, 1877 г., стр. 9.

[3]) „Сочиненія Г. С. Сковороды“, Харьковъ, 1894 г., отд. 1, стр. 3 и 4.

[4]) Тамъ же, отд. I, стр. 4, и отд. II, стр. 298. Варіянтъ объ обстоятельствахъ поступленія Сковороды къ Томарѣ см. въ „Кіев. Старинѣ“, ноябрь, 1894 г., стр. 296—7.

вороды письмо изъ Москвы одинъ изъ друзей его А. Каноровскій-Соха, радуясь возвращенію Сковороды въ Малороссію и обѣщая пріискать ему хорошее мѣсто. „Писаніе ваше чрезъ А. Турчановскаго я исправно получилъ,—писалъ Каноровскій—Соха Сковородѣ,—немало радуюсь о вашемъ прибытіи въ Малую Россію; много паче печаленъ о неудачи вашей въ вашемъ странствованіи... Дождись и мене, твоего нелицемѣрнаго друга, который въ жаждѣ твоей самъ сугубо жаждетъ. Ежели тебѣ не скифство покажется, тамъ гдѣ я хочу, будешъ вомѣщенъ несумнѣнно. Все оставя, не печался и дождись меня. Я въ маѣ мѣсяцѣ именно буду. Я о тебѣ старателство хочу приложить и исходатайствовать тебѣ тѣхъ милость, которіи умѣютъ съ каменя сдѣлать человѣка, да человѣка добраго. Не отлучайся никуда; я за тобою пришлю, какъ пріѣду; потерпи на мнѣ, вся ти воздамъ. А нынѣ заключаю, что я твой вѣрный братъ и слуга, каковыми хочу жить и умереть. А. Каноровскій - Соха. P. S. Бога ради, братѣку, прилѣжай ученіямъ, и ежели нѣ отъ кого, то самъ, до пріезду моего, у себя учись. Не печалсь ни одѣяніемъ, ни другимъ чимъ; все будетъ, толко ученія не забывай“. А. Каноровскій—Соха приходился племянникомъ Переяславскому полковнику Семену Ивановичу Сулимѣ [1]) и, вѣроятно, думалъ пристроить Сковороду или у своего дяди, или при его помощи.

Договоръ былъ сдѣланъ съ Томарою на годъ,—и Сковорода хотѣлъ сдержать свое слово; но за рѣзкое замѣчаніе, сдѣланное своему воспитаннику, Сковородѣ отказано было, по настоянію госпожи, отъ должности и дому. Сковорода опять остался безъ мѣста и переѣхалъ къ пріятелю своему, одному сотнику Переяславскому, человѣку добродушному и странно-любивому (можетъ быть, къ Каноровскому-Сохѣ?). „Тутъ,—говоритъ біографъ Сковороды Ковалинскій,—нечаянно пред-

[1]) „Кіевская Старина“, ноябрь, 1882 г., стр. 307 и 308.

ставился ему случай ѣхать въ Москву съ Каллиграфомъ, отправлявшимся въ Московскую Академію проповѣдникомъ, съ которымъ онъ, какъ пріятель его, и поѣхалъ; а оттуда въ Троицкую Сергіеву Лавру, гдѣ былъ тогда намѣстникомъ многоученый Кириллъ, бывшій послѣ епископомъ Черниговскимъ. Сей, увидя Сковороду, котораго зналъ уже по слуху, и нашедъ въ немъ человѣка отличныхъ дарованій и учености, старался уговорить его остаться въ Лаврѣ для пользы училища: но любовь его къ отечественному краю отвлекала его въ Малороссію. Онъ возвратился паки въ Переяславль, оставя по себѣ въ Лаврѣ имя ученаго и дружбу Кирилла“ [1]).

О Владимірѣ Каллиграфѣ, съ которымъ Сковорода отправился въ Москву, извѣстно слѣдующее. Осенью 1754 года полученъ былъ въ Кіевѣ указъ Св. Синода съ требованіемъ выслать архидіакона Манассію Максимовича въ Московскую Академію на должности префекта и профессора богословія [2]). Но Кіевскій митрополитъ Тимоѳей Щербацкій не хотѣлъ отпустить отъ себя Манассіи Максимовича и, вмѣсто него, послалъ въ Московскую Академію учителя риторики Владиміра Каллиграфа. За это Св. Синодъ указомъ отъ 14 февраля 1755 года сдѣлалъ митрополиту Тимоѳею Щербацкому замѣчаніе, что „впредъ такъ чинить не надлежитъ“ [3]). Слѣдовательно, Сковорода могъ отправиться съ Владиміромъ Каллиграфомъ въ Москву или въ самомъ концѣ 1754, или же въ самомъ началѣ 1755 года. Намѣстникомъ Троице-Сергіевой Лавры былъ въ это время Кириллъ Ляшевецкій, бывшій въ этомъ званіи съ 1753 по 1758 годъ [4]). Онъ былъ однимъ

---

[1]) „Сочиненія Г. С. Сковороды“, Харьковъ, 1894 г., отд. I, стр. 5.

[2]) Въ архивѣ Кіевской дух. Консисторіи книга указовъ за 1754 годъ, № 51.

[3]) Въ архивѣ Кіевской дух. Консисторіи книга указовъ за 1755 годъ' № 57.

[4]) „Обзоръ русской дух. литературы“, Филарета, изд. 3, С.-Петербургъ, 1884 г., ч. II, стр. 342.

изъ видныхъ дѣятелей въ Троицкой Семинаріи, учрежденной въ 1738 году по идеѣ „Духовнаго Регламента“ [1]).

Сковорода возвратился въ Переяславъ, вѣроятно, въ томъ же 1755 году.

„Не успѣлъ пріѣхать онъ въ Переяславль, какъ разумный Томара поручилъ знакомымъ своимъ уговаривать его (Сковороду), чтобъ паки къ сыну опредѣлился онъ учителемъ. Сковорода не соглашался, зная предразсудки его, а паче домашнихъ его, но пріятель его, будучи упрошенъ отъ Томары, обманомъ привезъ его въ деревню къ нему ночью спящаго“. Здѣсь, въ тиши сельскаго уединенія, Сковорода прожилъ около четырехъ лѣтъ, занимаясь воспитаніемъ сына Томары и своимъ собственнымъ самообразованіемъ и нравственнымъ самоусовершенствованіемъ.

Между тѣмъ, воспитанникъ Сковороды, сынъ Томары, достигъ уже такого возраста, когда онъ долженъ былъ начать другія упражненія, соотвѣтствующія его возрасту и происхожденію. Къ этому времени въ Бѣлгородъ прибылъ на епископскій престолъ Іоасафъ Миткевичъ, мужъ, исполненный благосердія, добродѣтелей, ученія [2]). Онъ хиротонисанъ былъ въ Бѣлогородскаго епископа 26 апрѣля 1758 года [3]). „Сему архіерею былъ извѣстенъ по законоискусству и по старой пріязни игуменъ Гервасій Якубовичъ, находившійся тогда въ Переяславлѣ. Іоасафъ просилъ Гервасія раздѣлить съ нимъ епархіальные труды и дружественную жизнь“, въ санѣ архимандрита и судіи [4]). Въ августѣ 1758 года Сковорода напутствовалъ Гервасія „пѣснью отходною“ [5]).

---

[1]) Синодальный указъ объ учрежденіи Троицкой Семинаріи, съ сиротскимъ при ней домомъ, послѣдовалъ 20-го декабря, 1738 года. См. книги указовъ въ архивѣ Кіево-Подольской Рождество-Предтеченской церкви, кн. III, л. 196—9.

[2]) „Сочиненія Г. С. Сковороды“, Харьковъ, 1894 г., отд. I, стр. 6—9.

[3]) „Списки іерарховъ“, П. Строева, С. П. Бургъ, 1877 г., стр. 634.

[4]) „Сочиненія Г. С. Сковороды“, Харьковъ, 1894 г., отд. 1, стр. 9.

[5]) Тамъ же, отд. I, стр. 108, и отд. II, стр. 279 и 280.

„Гервасій пріѣхалъ въ Бѣлгородъ и, видя ревность Іоасафа къ наукамъ, представилъ ему о Сковородѣ одобрительнѣйше. Епископъ вызвалъ его къ себѣ черезъ Гервасія. Сковорода немедленно прибылъ и, по волѣ Іоасафа, принялъ должность учителя поэзіи въ Харьковскомъ училищѣ 1759 года“ [1]). Консисторскій указъ о назначеніи Сковороды учителемъ піитики въ Харьковскій Коллегіумъ послѣдовалъ 11 августа 1759 года [2]).

„Въ вертоградѣ сего истиннаго вертоградаря Христова,— говоритъ Сковорода въ послѣсловіи къ пѣсни преосвященному Іоасафу Миткевичу,—и я свято и благочестиво три лѣта 1760-тое. и 63-тье и 4-тое, въ кое преставился отъ земли къ небеснымъ, былъ дѣлателемъ, удивляяся прозорливому его, щедрому и чистому сердцу съ тайною моею любовію“ [3]). Двухлѣтній перерывъ между этими годами преподаванія, падающій на 1761 и 1762 годы, долженъ быть отнесенъ ко времени размолвки между Сковородой и архимандритомъ Гервасіемъ Якубовичемъ, описанной въ жизнеописаніи Сковороды у Ковалинскаго и заставившей нашего философа удалиться къ своему пріятелю въ деревню Старицу, въ окрестности Бѣлгорода [4]). Но приведенныя показанія самого Сковороды не отличаются точностію и требуютъ провѣрки. Мы знаемъ, что онъ назначенъ былъ въ учители піитики въ Харьковъ 11 августа 1759 года, и слѣдовательно первый учебный годъ его здѣсь былъ 1759—1760, послѣ котораго послѣдовала его размолвка съ Гервасіемъ, падающая на 1760—1 и 1761—2 учебные годы. Если Сковорода возобновилъ свои занятія въ Харьковскомъ Коллегіумѣ

---

[1]) Тамъ же, отд. I, стр. 9.

[2]) „Странствующій украинскій философъ Григорій Савичъ Сковорода“, свящ. Н. Стеллецкаго, Кіевъ, 1894 г., стр. 10.

[3]) „Сочиненія Г. С. Сковороды“, Харьковъ, 1894 г., отд. II, стр. 281—283.

[4]) Тамъ же, отд. I, стр. 10 и 11.

съ 1762—3 года, преподавая синтаксиму и греческій языкъ, то во второй разъ онъ служилъ при преосященномъ Іоасафѣ только одинъ 1762—3 учебный годъ, такъ какъ преосвященный Іоасафъ скончался не въ 1764 году, какъ писалъ Сковорода, а въ 1763 году, 5 іюня [1]). Слѣдовательно, всего Сковорода прослужилъ подъ начальствомъ преосвященнаго Іоасафа Миткевича только два года, а не три; свой третій учебный годъ, именно 1763/4, онъ могъ провести здѣсь уже при новомъ Бѣлогородскомъ епископѣ Порфиріѣ Крайскомъ [2]), который,—какъ мы скоро увидимъ,—подозрительно смотрѣлъ на Гр. С. Сковороду.

Во всякомъ случаѣ, въ 1764 году Гр. Сав. Сковорода уже оставилъ свои занятія въ Харьковскомъ Коллегіумѣ. Въ августѣ этого года онъ отправился въ Кіевъ со своимъ молодымъ другомъ Ковалинскимъ, интересовавшимся этимъ городомъ, и возвратился въ Харьковъ уже въ октябрѣ мѣсяцѣ. Здѣсь черезъ два года еще разъ попытались привлечь Сковороду къ преподавательскому дѣлу. Въ 1766 году, по повелѣнію императрицы Екатерины II, къ Харьковскимъ училищамъ прибавлены нѣкоторыя науки подъ названіемъ прибавочныхъ классовъ. „Между прочими,—говоритъ М. Ковалинскій,—назначено было преподавать благородному юношеству правила благонравія. Начальство признало способнѣйшимъ къ сему Сковороду и пригласило его. Онъ охотно принялъ это предложеніе и по этому поводу написалъ сочиненіе подъ заглавіемъ „Начальная дверь къ христіанскому добронравію для молодого шляхетства Харьковской губерніи“. Но извѣстный уже намъ Бѣлгородскій епископъ Порфирій Крайскій потребовалъ это сочиненіе къ себѣ на пересмотръ и нашелъ его несоот-

---

[1]) „Списки іерарховъ“, П. Строева, С.-Петербургъ, 1877 г., стр. 634

[2]) Тамъ же.

вѣтствующимъ „обыкновенному правилу“. Тѣмъ и кончилось дѣло [1]).

Послѣ этого, Сковорода не дѣлалъ уже никакихъ попытокъ занять какую-либо общественную или,—точнѣе,—оффиціальную учительскую должность и въ теченіе послѣднихъ 28 лѣтъ своей жизни постоянно переходилъ съ мѣста на мѣсто, рѣдко останавливаясь гдѣ-либо на болѣе продолжительное время, и всюду проповѣдывалъ словомъ, писаніемъ и самою жизнію то религіозно-нравственное ученіе свое, которое вырабатывалъ доселѣ путемъ науки, созерцаніемъ природы и богатымъ жизненнымъ опытомъ. Съ этого времени собственно появляются и болѣе капитальныя произведенія его, какъ, напр., „Наркизъ“, „Книга Асхань“ и др., тогда какъ доселѣ онъ писалъ только малыя отрывочныя сочиненія въ стихахъ и прозѣ. Умеръ онъ, какъ извѣстно, 29 октября 1794 года, въ Селѣ Ивановкѣ, принадлежавшемъ помѣщику Ковалевскому [2]).

II.

Представивъ общую хронологическую канву жизни Гр. Сав. Сковороды, особенно въ первый періодъ ея, попытаемся по этой канвѣ сдѣлать хотя самый общій абрисъ тѣхъ вліяній, подъ которыми складывались оригинальныя религіозно-философскія воззрѣнія Сковороды.

Первое и самое важное мѣсто среди этихъ вліяній, независимо отъ дѣтскихъ и юношескихъ впечатлѣній родной южно-русской природы и племеннаго малороссійскаго харак-

---

[1]) „Сочиненія Г. С. Сковороды“, Харьковъ, 1894 г., отд. I, стр. 20, 21, 23 и 24. См. „Списки іерарховъ и настоятелей монастырей Р. Церкви“, П. Строева, стр. 634. О недоброжелательномъ отношеніи П. Крайскаго къ прибавочнымъ классамъ см. „Бѣлогородскіе архіереи и среда ихъ архипастырской дѣятельности“, Ам. Ст. Лебедева, Харьковъ, 1902 г., стр 146—149.

[2]) Тамъ-же, стр. 24—40.

тера, занимаетъ Кіевская Академія, въ которой онъ учился не менѣе 8 лѣтъ. Въ Кіевской Академіи издавна было 8 основныхъ или ординарныхъ классовъ, а именно: фара или аналогія, инфима, грамматика, синтаксима, піитика, риторика, философія и богословіе. Кромѣ того, воспитанникамъ академіи преподавались малая и большая инструкціи, состоявшія въ изъясненіи истинъ православной вѣры [1]).

Къ этимъ основнымъ или ординарнымъ предметамъ присоединено было въ первой половинѣ XVIII вѣка нѣсколько экстраординарныхъ или дополнительныхъ предметовъ.

Духовнымъ Регламентомъ 1721 года проэктировалось учрежденіе, впослѣдствіи времени, академіи новаго типа, съ семинаріумомъ при ней. Въ этой проектированной академіи предполагался слѣдующій чинъ ученія: „1) грамматика купно съ географіею и исторіею; 2) ариѳметика и геометрія; 3) логика или діалектика, и едино то двоименное ученіе; 4) риторика купно или раздѣльно съ стихотворнымъ ученіемъ; 5) физика, присовокупя краткую метафизику; 6) политика краткая Пуффендорфова, аще она потребна судится быть, и можетъ она присовокупитися къ діалектикѣ; 7) богословія. Первые шесть по году возмутъ, а богословія—два года... Языкъ греческій и еврейскій (если будутъ учители) между иными ученіи урочное себѣ время пріимутъ“. При этомъ рекомендовался слѣдующій способъ единовременнаго обученія нѣсколькимъ предметамъ: „Могутъ нѣкая ученія двое или трое вдругъ одного часа и однимъ дѣломъ подаватися. Напримѣръ, уча грамматикѣ, можетъ учитель съ нею учить купно и географію и исторію; понеже, по регуламъ грамматическимъ, нужно есть дѣлать экзерциціи, сіе есть обучатися въ переводахъ съ моего языка на языкъ тотъ, котораго учуся, и—вопреки—съ языка того на мой языкъ. То мощно велѣть ученикамъ переводить по части географію, или исто-

[1]) „Труды Кіев. дух. Академіи“, май, 1902 г., стр. 99 и 131.

рію одну внѣшнюю, либо церковную, или на перемѣну оба тѣ ученія". Въ частности, годъ для грамматики рекомендовалось раздѣлить на двѣ части, и первое полугодіе учить грамматикѣ съ географіею, а другое полугодіе давать въ экзерциціи переводить исторію универсальную [1]). Такимъ образомъ, проектировалось вновь ввести въ академическій курсъ слѣдующіе предметы: географію и исторію, ариѳметику и геометрію, опытную физику, политику (условно) и языки греческій и еврейскій.

Но это былъ только проектъ, ни для кого не обязательный, а тѣмъ болѣе для Кіевской Академіи, которая ограждала себя отъ всякихъ нововведеній своими старыми правами и привиллегіями и на первыхъ порахъ неохотно подчинялась отдѣльнымъ постановленіямъ Духовнаго Регламента. Кіевскій архіепископъ Варлаамъ Ванатовичъ или,—точнѣе,—кіевскіе консистористы, стоявшіе за этимъ немощнымъ старцемъ, не разъ протестовали противъ отдѣльныхъ распоряженій центральной власти, ссылаясь на старинныя права и привиллегіи Малороссіи и Академіи [2]), и тѣмъ подготовили, по нашему мнѣнію, трагическую участь этому первосвятителю Кіевскому. Со времени же Кіевскаго архіепископа, а потомъ митрополита Рафаила Заборовскаго вводятся въ Кіевскую Академію и нѣкоторые новые предметы, проектированные Духовнымъ Регламентомъ для будущей Академіи. Еще около 1727 года профессоръ Кіевской Академіи іеромонахъ Стефанъ Калиновскій преподавалъ здѣсь

---

[1]) „Духовный Регламентъ" въ „Полномъ Собр. Закон. Росс. Импер.", т. VI, 1830 г., стр. 333 и 334.

[2]) Такъ, напр., въ 1727 г. онъ просилъ Св. Синодъ о подчиненіи непосредственно ему Ванатовичу Кіев. Академіи („Описаніе документовъ и дѣлъ архива Св. Синода", т. I, № 402, стр. 471); въ 1722 году Кіев. Консисторія протестовала противъ рублеваго сбора съ дворовъ архіерейскихъ вотчинъ (ib., т. II, ч. 1, № 100, стр. 133 и слѣд.), и проч.

„введеніе въ исторію монархическую и церковную“ [1]). Въ концѣ курса философіи 1751—2 г.г. Г. Щербацкаго помѣщено Compendium historiae ecclesiasticae [2]). Въ 1754 году первый преподаватель нововведеннаго тогда въ Кіевскую Академію французскаго языка Константинъ Крыжановскій просилъ „время то, которое было опредѣлено на *математику* и на *исторію*, яко оно теперича отъ всѣхъ школъ свободное, опредѣлить мнѣ милостиво“ [3]). Значитъ, дотолѣ назначены были въ Кіевской Академіи особые часы для исторіи и математики. Съ 1738 года введено было въ Кіевской Академіи митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ преподаваніе языковъ еврейскаго, греческаго и даже нѣмецкаго [4]), вовсе не проектировавшагося Духовнымъ Регламентомъ. Есть темное извѣстіе о томъ, что въ Кіевской Академіи въ второй четверти XVIII вѣка иногда преподавалось и церковное законовѣдѣніе [5]).

Вмѣстѣ съ количественнымъ наращеніемъ новыхъ предметовъ, и прежнія науки, преподававшіяся въ Кіевской

---

[1]) „Описаніе рукоп. собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. 2, Москва, 1897 г., № 516, стр. 237, л. 61—101.

[2]) Тамъ же, вып. 1, Москва, 1892 г., № 134, стр. 254.

[3]) Архивъ Кіев. Дух. Консисторіи, 18 авг. 1754 г. Мнѣніе ректора Г. Конисскаго и префекта Д. Нащинскаго о распредѣленіи занятій между учителями.

[4]) „Кіев. Академія въ первой половинѣ XVIII в.“, Д. Вишневскаго, въ „Трудахъ Кіев. Дух. Академіи“, май, 1902 г., стр. 99.

[5]) Въ „Отчетѣ Императорской Публичной библіотеки за 1885 годъ“ значится поступившій сюда рукописный учебникъ по Церковному законовѣдѣнію, малороссійскаго письма первой половины XVIII в., принадлежавшій, по словамъ жертвователя, генералъ-маіору Петру Степ. Милорадовичу, обучавшемуся въ 1739 и 1740 г.г. въ Кіевской Академіи (См. сей отчетъ, стр. 176 и 177). Дѣйствительно, Петръ и братъ его Андрей Степановичи Милорадовичи оба учились въ Кіевской Академіи: Петръ учился въ 1739—40 году въ риторикѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ изучалъ нѣмецкій языкъ; Андрей учился въ 1742—3 году риторикѣ и нѣмецкому языку (См. „Извѣстія Церковно-Археологич. Общества при Кіевской дух. Академіи за 1882 годъ, стр 79; о Милорадовичахъ см. „Кіевскую Старину“, мартъ, 1882 г., стр. 479 и слѣд.).

Академіи, улучшались и качественно въ первой половинѣ XVIII вѣка, хотя это улучшеніе совершалось медленно и неровно. Положительную реформу въ академической наукѣ произвелъ, въ первой четверти XVIII вѣка, извѣстный сотрудникъ императора Петра I Ѳеофанъ Прокоповичъ, составитель Духовнаго Регламента. Онъ былъ въ Кіевской Академіи послѣдовательно профессоромъ піитики, риторики, философіи и богословія. Онъ заявилъ себя ярымъ врагомъ господствовавшаго дотолѣ въ Академіи польско-католическаго и въ частности іезуитскаго схоластическаго образованія и попытался обосновать преподававшіяся имъ науки на другихъ, совершенно новыхъ началахъ. Въ такъ называемыхъ *гуманныхъ* наукахъ, т. е. въ піитикѣ, риторикѣ и философіи, онъ является однимъ изъ лучшихъ, а въ Россіи первымъ и почти единственнымъ представителемъ возрожденія наукъ или классицизма, съ которымъ онъ хорошо ознакомился во время заграничнаго своего образованія, особенно въ Италіи, и постоянно указываетъ въ своихъ учебникахъ и чтеніяхъ или образцы древнеклассической, преимущественно римской литературы, или же лучшихъ представителей эпохи возрожденія и гуманизма на западѣ Европы, напр., Еразма Роттердамскаго и др.[1]). Этотъ же принципъ возрожденія классицизма Ѳеофанъ Прокоповичъ примѣнилъ и къ богословію, руководствуясь самъ и рекомендуя другимъ руководствоваться въ богословіи свящ. писаніемъ и древними классическими въ своемъ родѣ твореніями отцевъ и учителей Православной Церкви Григорія Назіанзена, Августина, Аѳанасія Великаго, Василія Великаго, Кирилла

---

[1]) См. нѣкоторыя подробности о семъ въ моихъ статьяхъ „О словесныхъ наукахъ и литературныхъ занятіяхъ въ Кіевской Академіи“ и „Кіевская искусственная литература XVIII вѣка, преимущественно драматическая“, въ „Трудахъ Кіев. дух Академіи“ за 1865—8 и 1879—80 годы.

Александрійскаго и др., жившихъ до раздѣленія церквей, и дѣяніями вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ [1]).

Научная реформа Ѳеофана Прокоповича и особенно богословскіе его взгляды на первый разъ встрѣчены были съ большимъ недовѣріемъ и подозрительностію, какъ наклонявшіеся будто бы въ сторону протестантизма, хотя Ѳеофанъ Прокоповичъ, въ отличіе отъ протестантскихъ богослововъ, и основывалъ свою богословскую систему преимущественно на древнихъ святоотеческихъ твореніяхъ, появившихся до раздѣленія Церквей. Но съ теченіемъ времени научные и богословскіе взгляды Ѳ. Прокоповича все болѣе и болѣе заинтересовываютъ лучшихъ представителей духовной науки въ XVIII столѣтіи на югѣ и сѣверѣ Россіи и принимаются ими въ соображеніе и руководство. На протяженіи XVIII столѣтія мы видимъ въ Кіевской Академіи трехъ видныхъ представителей духовной науки, которые были почитателями и послѣдователями ученыхъ трудовъ и стремленій своего знаменитаго предшественника, а именно: Георгія Конисскаго, Самуила Миславскаго, бывшаго школьнымъ товарищемъ Сковороды, и Иринея Фальковскаго. Первый, руководствуясь въ своихъ академическихъ лекціяхъ трудами Ѳ. Прокоповича, въ 1761 году издалъ въ Могилевѣ его „Христіанское ученіе“, а въ 1786 году—его піитику [2]); Самуилъ Миславскій издалъ нѣсколько богословскихъ трудовъ Ѳ. Прокоповича и пользовался его богословіемъ въ своихъ академическихъ лекціяхъ [3]); а Ириней Фальковскій составилъ, по плану Ѳеофановой догматики и съ дополненіями къ ней, свое Orthodoxae theologiae dogmaticae Compendium, изданное въ 1802 году [4]).

---

[1]) „Духовный Регламентъ“ въ „Полномъ собр. Закон. Росс. Импер.“, т. VI, стр. 332 и 333.

[2]) „Обзоръ русской дух. литературы“, Филарета Гумилевскаго, изд. 3, С. П. Бургъ, 1884 г., стр. 291 и 298.

[3]) Тамъ же, стр. 290, 291 и 298.

[4]) Тамъ же, стр. 429.

Всѣ эти почитатели и послѣдователи Ѳ. Прокоповича были,—можно сказать, представителями хотя и слабо выраженной у насъ въ Россіи и спорадически развивавшейся эпохи возрожденія классицизма, начатой Ѳеофаномъ Прокоповичемъ.

Въ одинъ изъ просвѣтовъ этой эпохи и учился въ Кіевской Академіи Гр. Сав. Сковорода. По наукѣ онъ былъ духовнымъ сыномъ Георгія Конисскаго, этого горячаго почитателя научныхъ трудовъ Ѳеофана Прокоповича, и, слѣдовательно, духовнымъ внукомъ этого послѣдняго; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ былъ счастливѣе своихъ духовныхъ воспитателей, такъ какъ владѣлъ такими лингвистическими средствами къ образованію, какихъ не имѣли ни Ѳеофанъ Прокоповичъ, ни Георгій Конисскій.

По возвращеніи изъ придворной пѣвческой капеллы въ Кіевскую Академію въ 1744 году, Сковорода, по всей вѣроятности, слушалъ здѣсь въ $174^5/_6$ или $174^6/_7$ году курсъ піитики у Георгія Конисскаго и несомнѣнно былъ слушателемъ одного изъ его философскихъ курсовъ, читанныхъ въ 1747—1751 годахъ.

Ѳеофанъ Прокоповичъ, а вслѣдъ за нимъ и Георгій Конисскій, изгнали изъ своихъ учебниковъ по піитикѣ средневѣковыя схоластическія прибавки, напр., такъ называемый куріозный стихъ, располагали планъ этихъ учебниковъ по нормѣ древнеклассическихъ римскихъ руководствъ и указывали образцы изъ классическихъ римскихъ писателей или представителей эпохи возрожденія классицизма. Въ званіи учителя піитики, Ѳ. Прокоповичъ написалъ въ 1706 году трагедокомедію „Владиміръ“, въ пяти дѣйствіяхъ, составленную имъ по образцу Плавтовой трагедокомедіи Amphitruo, въ которой перемѣшивалось важное съ комическимъ [1]). Георгій Конисскій написалъ пьесу „Воскресеніе

[1]) „Труды Кіевской дух. Академіи“, іюнь, 1879 г., стр. 188.

мертвыхъ", тоже въ пяти дѣйствіяхъ, но съ тѣмъ отличіемъ, что комическій элементъ не введенъ здѣсь въ самую пьесу, а выраженъ въ пяти комическихъ интерлюдіяхъ изъ малорусской простонародной жизни, какъ это сдѣлано у одного изъ предшественниковъ Георгія Конисскаго на этомъ поприщѣ Митрофана Довгалевскаго [1]). Въ интерлюдіяхъ этихъ, писанныхъ или самимъ Конисскимъ, или стихотворцемъ Танскимъ, выводятся на сцену мужики литвины и малороссы, москали или ярыги, евреи, поляки, дьячекъ, дьяволъ и проч., каждый въ соотвѣтственномъ положеніи и съ свойственною имъ рѣчью [2]). Объ этихъ или подобныхъ интерлюдіяхъ нѣкто Лобысевичъ писалъ въ 1794 году Георгію Конисскому слѣдующее: „Не за моей памяти, а можетъ быть годомъ предъ моимъ пріѣздомъ въ Академію Кіевскую, играна тамъ трагедія сочиненія Вашего Преосвященства „о воскресеніи мертвыхъ". Оную имѣю, но не имѣю и нигдѣ достать не могу къ оной трагедіи интерлюдій, бывшихъ сочиненія Вашего Преосвященства или славнаго Танскаго, природнаго стихотворца, во вкусѣ Плавтовомъ... Едина вѣрна надежда на книгохранилище Вашего Преосвященства, въ которомъ не быть сему сочиненію не можно. Какъ во всякомъ покроѣ платьевъ, такъ во всякомъ нарѣчіи языковъ есть своя красота; а къ тому, когда и дымъ отечества сладокъ, то сія воня благоуханія мыслей отечественныхъ есть наисладчайшая. Для чести націи, матери нашей, всегда у себя природою и ученостію великихъ людей имѣвшей, столько цвѣтовъ выпустившей для любимаго нашего отечества, для знающихъ подъ корою просторѣчія находить драгоцѣнности мыслей, прошу Вашего Преосвященства велико одолжить меня—интерлюдіи, Танскаго—то, или ваши, приказавъ списать, по почтѣ мнѣ въ

[1]) Изд. въ „Кіевской Старинѣ", октябрь и ноябрь 1897 г.

[2]) Изд. въ журналѣ „Древняя и Новая Россія", ноябрь, 1878 года.

С.-Петербургъ доставить, да дастъ величіе отечеству своему нашъ Плавтъ, нашъ Мольеръ, ежели что не болѣе. Ибо я помню нѣкоторые стихи: описаніе великодня, бѣгство сатаны и смерти, смерть Іуды,—прекрасныя описанія“ [1]). Конечно, и Гр. Сав. Сковорода, какъ ученикъ Г. Конисскаго, не менѣе Лобысевича долженъ былъ заинтересоваться трагедокомедіей своего учителя и интерлюдіями къ ней, тѣмъ болѣе, что и по происхожденію своему онъ былъ демократомъ. Интерлюдіи эти, съ ихъ простонароднымъ языкомъ, могли еще болѣе укоренить въ немъ любовь къ простому народу и его безыскусственной рѣчи, которую онъ обнаруживалъ потомъ во всю остальную свою жизнь. Сковорода и самъ писалъ силлабическіе стихи и даже написалъ одну трагедокомедію, къ сожалѣнію, намъ неизвѣстную, и въ этомъ отношеніи былъ прямымъ послѣдователемъ Георгія Конисскаго [2]). Нѣкоторые духовные стихи или псальмы Сковороды пришлись по вкусу малорусскому народу и доселѣ роспѣваются мѣстными лирниками и бандуристами (напр., „Всякому городу нравъ и права [3]).

Риторики Георгій Конисскій не преподавалъ и въ этомъ отношеніи едва-ли оказалъ какое-либо вліяніе на Сковороду. Но у послѣдняго мы встрѣчаемъ нѣкоторыя мысли, тождественныя съ соотвѣтственными мыслями Ѳ. Прокоповича,

---

[1]) „Труды Кіевской дух. Академіи“, іюнь, 1880 г., стр. 254—6.

[2]) Нѣкоторыя вирши Сковороды писаны такъ называемымъ львинымъ стихомъ (leoninum carmen), приближающимся къ тоническому размѣру (См. такія вирши въ „Сочиненіяхъ Г. С. Сковороды“, Харьковъ, 1894 г., стр. 263 и 278—9). О львиномъ стихѣ и о встрѣчѣ его съ тоническимъ у Г. Конисскаго см. „Труды Кіев. дух. Акад.“, іюль, 1866 г., стр. 327—330.

[3]) Псальма Сковороды „Всякому городу нравъ и права“ спѣта была на XII археолог. съѣздѣ въ Харьковѣ, на засѣданіи 19 августа, двумя слѣпцами изъ простого народа лирникомъ и бандуристомъ. О другихъ псальмахъ его см. „Труды Кіев. дух. Академіи“, апрѣль, 1879 г, стр. 471—2. Кажется, пѣснь „Почаевскаго Богогласника“ 1825 года, № 25, нач. „Вонми небо“..., есть передѣлка псальмы Сковороды, начинающейся тѣми же словами.

высказанными имъ въ его риторикѣ: это—мысли объ очищеніи родного языка каждаго народа по нормѣ языка латинскаго. „Подъ латинскою рѣчью,—говоритъ Ѳеофанъ Прокоповичъ,—не разумѣй того, будто краснорѣчіе ограничивается только предѣлами латинскаго языка: какой бы языкъ ни употреблялъ ораторъ, онъ долженъ говорить такъ, чтобы слѣдовать чистой, употребительной и отечественной рѣчи этого языка. Ибо какъ Цицеронъ во 2-ой книгѣ объ орторѣ превосходнымъ образомъ рѣчи называетъ латинскій, такъ Аристотель въ первой книгѣ риторики, въ главѣ пятой, называетъ эллинскій или рѣчь греческую. Отсюда открывается, что доля выраженія состоитъ въ той рѣчи, которая свойственна и естественна языку, на которомъ пишется рѣчь". Замѣчая далѣе, что въ каждомъ языкѣ должно слѣдить за смысломъ „отдѣльныхъ словъ, ихъ конструкціею, свойствами языка или отечественнымъ употребленіемъ рѣчи и правильнымъ произношеніемъ", Ѳ. Прокоповичъ прибавляетъ: „что я говорю о латинскомъ, то разумѣй и о всякомъ другомъ языкѣ" [1]). Равнымъ образомъ, и Гр. Сав. Сковорода, весьма часто цитируя древнеклассическихъ писателей, въ одномъ письмѣ къ другу своему Ковалинскому выражаетъ мысль вышеприведеннаго отрывка изъ риторики Ѳ. Прокоповича, но только въ болѣе частномъ примѣненіи: „если будешь переводить отдѣльныя латинскія слова такими же германскими, то сдѣлаешь дурно. Напр., у Теренція *aut equos alere, aut canes ad venandum.* Если здѣсь *equos alere* вздумаешь перевесть *pferde nahren*, то уловишь значеніе слова *alere*, но отступишь отъ способа выраженія и собственнаго обычая германскаго; ибо германцы говорятъ не *ein pferd nähren*, но *ein pferd hälten.* Итакъ, когда что переводится съ латинскаго, то всегда нужно обращать вни-

[1]) „О словесныхъ наукахъ... въ Кіев. Академіи", въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи", мартъ, 1868 г., стр. 480.

маніе на употребленіе и свойство языка, чтобы разсматривались не латинскія реченія и слова, что они обозначаютъ и значатъ“ [1]).

Что касается преподаванія философіи въ Кіевской Академіи, то въ первой половинѣ XVIII вѣка были здѣсь попытки преобразовать и философскій курсъ по новымъ началамъ и по возможности удалить изъ него схоластическій элементъ. Въ философскіе курсы въ Кіевской Академіи обыкновенно входили: діалектика, логика, физика и метафизика. Ѳ. Прокоповичъ, преподававшій философію въ 1707—1711 годахъ, присоединилъ къ помянутымъ частямъ еще нѳику, а въ отдѣлъ физики ввелъ „Шестодневъ“, составленный на основаніи святоотеческихъ твореній Василія Великаго, Амвросія, Златоуста, Евстаѳія Антіохійскаго и Ѳеодорита. Кромѣ того, онъ преподавалъ еще въ философскомъ классѣ математику, въ составъ которой входили ариѳметика и геометрія [2]), и прочиталъ свой трактатъ о нетлѣніи мощей Кіевопечерскихъ угодниковъ Божіихъ [3]). А въ „Духовномъ Регламентѣ“ Ѳ. Прокоповичъ проектировалъ преподавать въ Академіи логику или діалектику,—что одно и то же,—съ присоединеніемъ къ ней краткой политики, и физику (опытную), съ присовокупленіемъ краткой метафизики [4]).

Непосредственный учитель Сковороды, по философіи, Георгій Конисскій, судя по оставшимся отъ него рукописнымъ курсамъ философскимъ, преподавалъ логику, нѳику, физику и метафизику, съ введеніемъ въ отдѣлъ физики „Шестоднева“ изъ святоотеческихъ твореній, но исключилъ

---

[1]) „Сочиненія Г. С. Сковороды“, Харьковъ, 1894 г., отд. II, стр. 104.

[2]) См. мое „Описаніе рукописей Церковно-археологич. Музея при Кіев. дух. Академіи“, № 413, стр. 22.

[3]) Изд. въ Miscellanea, Vratislaviae, 1744 года.

[4]) „Дух. Регламентъ“, въ „Полномъ Собр. Закон. Росс. Имп.“, т. VI, стр. 334.

діалектику, какъ особую часть философской системы, и прибавилъ ѳику [1]). Послѣдняя должна была имѣть особенное значеніе для Сковороды, философія котораго, какъ извѣстно, имѣла по преимуществу нравственный характеръ.

Но въ то время, когда Г. Конисскій преподавалъ въ Кіевской Академіи философію, здѣсь уже зарождалось болѣе свѣжее и реальное направленіе въ преподаваніи философіи, занесенное сюда воспитанниками Академіи, отправленными митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ за границу для окончанія образованія, какъ, напр., Варлаамомъ Лащевскимъ, Давидомъ Нащинскимъ и др. Уже непосредственный преемникъ Г. Конисскаго по каѳедрѣ философіи Георгій Щербацкій преподаетъ свой курсъ философіи по Пургоцію, послѣдователю Картезія, т. е. Декарта [2]). Въ 1753—1755 годахъ Давидъ Нащинскій преподаетъ въ Кіевской Академіи философію по Винклеру и уже не дѣлаетъ философскихъ диспутовъ, чѣмъ вызываетъ запросъ со стороны митрополита Тимоѳея Щербацкаго [3]). Въ сентябрѣ 1755 года Д. Нащинскій ходатайствовалъ предъ митрополитомъ Т. Щербацкимъ о разрѣшеніи преподавать въ Академіи философію по Пургоцію и Баумейстеру, представителю Лейбнице-Вольфіанской школы [4]). Митрополитъ Тимоѳей спрашивалъ о томъ мнѣнія у Георгія Конисскаго, уже рукоположеннаго тогда въ санъ Могилевскаго епископа. Георгій Конисскій отвѣчалъ: „обоихъ авто-

---

[1]) См. курсъ философіи Г. Конисскаго въ рукописи Кіев. Академіи. № J. 11. 61. 2, по моему „Описанію рукописей Церковно-археологич. музея при Кіевской дух. Академіи“ № 51, стр. 25.

[2]) „Описаніе рукоп. собраній, находящихся въ Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. II, № 454, стр. 144. Ср. „Акты Кіев. Акад.“, В. Аскоченскаго, т. I, № 50, л. 493.

[3]) Указъ м. Тимоѳея Щербацкаго отъ 10 мая 1755 г., за № 180 мъ, префекту Д. Нащинскому—въ архивѣ Кіевской дух. Консисторіи.

[4]) „Кіев. Академія съ половины XVIII в., В. Серебренникова, Кіевъ, 1897 г., стр. 141.

ровъ, которихъ единого предъ другимъ превосходство отъ Вашего Высокопреосвященства взискуется, Пурхоція и Бавмейстера я окружно не вычиталъ, яко жъ и не имѣлъ ихъ, когда самъ въ философіи по должности на мене бывшей положенной упражнялся, что особливо за нещастіе свое причитую; ибо на смѣттяхъ интерпретовъ Аристотелевихъ времени всуе не потерялъ би было, и по сей причинѣ полно и совершенно судить мнѣ между помянутими двома авторами нелзя". Но тѣмъ не менѣе Георгій Конисскій отдаетъ рѣшительное предпочтеніе Баумейстеровой философіи, рекомендуя восполнять отсутствіе у него отдѣла физики изъ Пурхоція или Винклера: „Бавмейстерова лекція,—пишетъ Конисскій,—зъ большою ползою можетъ быти ученикамъ; ибо что ни учится въ ней, все основателно, твердо и ясно учится, и нѣтъ— кажется— ничего, что бы не было средствіемъ къ мѣтѣ философіи, то есть блаженному человѣческому житію. Логика его отъ смѣття схоластиковъ, можно сказать, седмижди перечищенная, метафизика твердія основанія протчіимъ дисцѣплѣнамъ по ея должности полагаетъ, Ethica человѣку къ познанію себе и своей должности чувствительно очи отворяетъ", и проч.[1]).

Изъ этихъ словъ видно, что Георгій Конисскій цѣлью философіи считалъ „блаженное человѣческое житіе" и въ частности иѳику считалъ средствомъ къ познанію человѣкомъ самого себя и своихъ обязанностей, и эти взгляды его на философію должны были просвѣчивать и сквозь тѣ смѣтья толкователей Аристотелевыхъ, которыми онъ долженъ былъ пользоваться при преподаваніи философіи и которыхъ, очевидно, не долюбливалъ. Въ этомъ отношеніи Георгій Конисскій былъ прямымъ учителемъ Гр. Сав. Сковороды, вся

[1]) „Акты Кіево-Братскаго монастыря и Академіи, собранные Аскоченскимъ", въ рукоп. Кіев. дух. Академіи, № О. л. 13, т. I, № 50, л. 492: „Письмо Г. Конисскаго отъ 13 сентября 1755 года".

нравственная философія которая вращалась около блаженства или счастія человѣка, познанія самого себя и своихъ обязанностей. То, чего недоставало въ философскомъ курсѣ Г. Конисскаго или засорено схоластическимъ смѣтьемъ, Сковорода могъ узнать отъ молодыхъ кіевскихъ ученыхъ, закончившихъ свое образованіе заграницей и познакомившихся здѣсь съ новыми системами и методами преподаванія наукъ, именно В. Лащевскаго и особенно Д. Нащинскаго. Послѣдній является учителемъ грамматики въ Кіевской Академіи въ $174^{7}/_{8}$ учебномъ году [1]), когда Сковорода, вѣроятно, учился въ школѣ риторики.

Во всякомъ случаѣ, Кіевская Академіи того времени представляла довольно благопріятныя условія для развитія философскихъ стремленій Сковороды, которыя и сформировались у него здѣсь въ основныхъ своихъ чертахъ. Г. С. Сковорода окончилъ философскій курсъ въ Кіевской Академіи 28-ми лѣтъ отъ роду, т. е. въ такомъ возрастѣ, когда у мало-мальски серьезнаго человѣка складываются убѣжденія на всю послѣдующую жизнь. Біографъ Сковороды Мих. Ковалинскій говоритъ, что въ Кіевской Академіи Сковорода во всемъ шелъ выше сотоварища своего С. Мирославскаго, впослѣдствіи митрополита Кіевскаго, не смотря на отличныя способности и величайшее соревнованіе послѣдняго со Сковородою [2]). Въ бытность свою студентомъ Кіевской Академіи Сковорода собственно и стяжалъ себѣ славу умнѣйшаго и образованнѣйшаго человѣка между своими сотоварищами по школѣ. Такимъ именно изображаетъ Сковороду другъ его А. Каноровскій-Соха въ письмѣ отъ 25 января 1754 года [3]), т. е. вскорѣ по возвращеніи Сковороды изъ-заграницы, когда онъ внѣ школы не заявилъ еще себя ничѣмъ особеннымъ.

---

[1]) „Труды Кіев. дух. Академіи“, май, 1902 г., стр. 121.

[2]) „Сочиненія Г. С. Сковороды“, Харьковъ, 1894 г., отд. I, стр. 2.

[3]) „Кіевская Старина“, ноябрь, 1882 г., стр. 307 и 308, и выше.

Знал также въ 1754 или 1755 году о Сковородѣ по слухамъ, вѣроятно школьнымъ, многоученый намѣстникъ Троице-Сергіевой лавры архимандритъ Кириллъ Ляшевецкій [1]).

По выслушаніи въ Кіевской Академіи философскаго курса, Сковорода отправился, для довершенія образованія, за границу. При этомъ онъ оказался въ болѣе счастливыхъ научныхъ условіяхъ, чѣмъ прежніе искатели заграничнаго образованія, такъ какъ владѣлъ несравненно лучшими научными средствами для этого образованія. Онъ могъ слушать въ Кіевской Академіи второстепенныя науки математику, исторію и, можетъ быть, церковное законовѣдѣніе, и несомнѣнно вынесъ отсюда основательное знаніе нѣкоторыхъ древнихъ и новыхъ языковъ. Съ 1738 года введено было въ Кіевской Академіи митрополитомъ Рафаиломъ Заборовскимъ преподаваніе языковъ еврейскаго, греческаго и нѣмецкаго,— и Сковорода, владѣвшій превосходно латинскимъ языкомъ, изучалъ также нѣмецкій, греческій и отчасти еврейскій языкъ, какъ это можно видѣть изъ его сочиненій и писемъ. Нѣмецкій языкъ давалъ ему возможность входить въ живое общеніе съ представителями нѣмецкой науки въ Австріи и вообще знакомиться съ нѣмецкой ученой и философской литературой, а знаніе греческаго языка, на которомъ онъ впослѣдствіи сочинялъ даже поздравленія, открывало ему путь къ знакомству съ древними греческими классиками. За границей же,— надобно полагать,—Сковорода познакомился и съ нѣкоторыми представителями нѣмецкаго мистицизма, не поколебавшими, однако же, его основныхъ религіозно-философскихъ воззрѣній [2]).

Но періодъ заграничной жизни Сковороды былъ весьма непродолжителенъ, около $2^1/_2$ лѣтъ, и едва-ли могъ приба-

---

[1]) „Сочиненія Г. С. Сковороды“, 1894 г., отд. I, стр. 5.

[2]) „Обзоръ русской дух. литературы“, Филарета, изд. 3, С. П. Бургъ, 1884 г., стр. 364—5; „Сочиненія Г. С. Сковороды“, Харьковъ. 1894 г., стр. LVIII.

вить что-либо существенное къ установившимся уже религіозно-философскимъ воззрѣніямъ Сковороды. Да и самый кругъ путешествій Сковороды за границей не былъ такъ обширенъ, какъ полагали нѣкоторые [1]). Справедливѣе говоритъ біографъ Сковороды, другъ его М. Ковалинскій, что Сковорода имѣлъ случай, съ позволеніемъ и помощію Вишневскаго, „поѣхать изъ Венгріи въ Вѣну, Офенъ, Пресбургъ и прочія окольныя мѣста, гдѣ, любопытствуя по охотѣ своей, старался знакомиться наипаче съ людьми ученостію и знаніемъ отлично славимыми тогда“ [2]). Это—почти тотъ же самый районъ путешествій, какой совершалъ позднѣе другой Кіевскій ученый Иринеи Фальковскій, который 8 лѣтъ, съ 1775 до 1783 года, прожилъ, при подобныхъ условіяхъ, при русской миссіи въ Токаѣ [3]).

По возвращеніи Сковороды въ Россію, его самообразованіе не только не прекратилось, но сдѣлалось еще болѣе интенсивнымъ и жизненнымъ, благодаря той внѣшней обстановкѣ, въ какой привелось ему вести остальную свою жизнь. Эта жизнь раздѣлялась между чтеніемъ книгъ, особенно классиковъ, и между созерцаніемъ природы, уроки которыхъ онъ передавалъ затѣмъ, устно и письменно, своимъ друзьямъ и знакомымъ.

Нужно замѣтить, что Кіевская Академія того времени, когда учился въ ней Сковорода, не была замкнута въ тѣсныя рамки духовнаго сословія, а была общесословнымъ учебнымъ заведеніемъ для всей Малороссіи и для заграничныхъ православныхъ, обитавшихъ въ Греціи, Сербіи, Угорской Руси, Галиціи и Правобережной Украинѣ, входившей въ предѣлы Польши. Дѣтей

---

[1]) „Сочиненія Г. С. Сковороды“, Харьковъ, 1894 г., отд. I, стр. IV и LVIII.

[2]) Тамъ же, стр. 3.

[3]) „Преосвящ. Ириней Фальковскій, епископъ Чигиринскій“, Г. О. Булашева, Кіевъ, 1883 года.

мѣстнаго епархіальнаго духовенства едва насчитывалась одна треть, такъ какъ тогдашнее духовенство разсчитывало на полученіе его дѣтьми духовныхъ мѣстъ путемъ наслѣдства, презенты помѣщиковъ и выбора прихожанъ, а не путемъ образованія, и потому весьма неохотно отдавало дѣтей своихъ въ Академію [1]). Большинство же учащихся составляли дѣти войсковой старшины, казаковъ, мѣщанъ и посполитыхъ людей [2]). Дѣти малороссійской знати или оканчивали въ Академіи полный курсъ, или изучали только языки для удобнѣйшаго завершенія своего образованія за границей, а впослѣдствіи и для поступленія въ Московскій университетъ, медицинскія школы и учрежденія и т. п. [3]). Во всякомъ случаѣ, разнословные воспитанники Кіевской Академіи были въ болѣе или менѣе тѣсномъ общеніи между собою, которое продолжалось затѣмъ и въ самой жизни, внѣ академическихъ стѣнъ.

Г. С. Сковорода по происхожденію не принадлежалъ къ духовному сословію и имѣлъ довольно обширный кругъ знакомыхъ, друзей и почитателей въ разныхъ общественныхъ слояхъ и особенно у южно-русскихъ помѣщиковъ, тоже не мало способствовавшій дальнѣйшему самообразованію Сковороды. Проживая въ домахъ сельскихъ помѣщиковъ, какъ, напр., у Томары въ его селѣ Кавраяхъ, Сковорода предавался здѣсь „любомудрію, т. е. исканію истины“, на лонѣ природы. По словамъ его біографа М. Ковалинскаго, онъ „часто въ свободные часы отъ должности своей удалялся въ поля, рощи, сады, для размышленія. Рано по утру заря спутница ему бывала въ прогулкахъ его и дубравы—собесѣдники

---

[1]) „Кіевская Академія во второй половинѣ XVIII в., Д. Вишневскаго, въ „Трудахъ Кіев. дух. Академіи“, май, 1902 г, стр. 101 и 102.

[2]) См. списки учениковъ синтаксимы и піитики, 1736—7 г., въ „Описаніи рукоп. собраній, находящихся въ г. Кіевѣ“, Н. Петрова, вып. 2, Москва, 1897 г., № 521, стр 239—243.

[3]) „Кіев. Академія съ половины XVIII в. до преобразованія ея въ 1819 году“, В. Серебренникова, Кіевъ, 1897 г., стр. 207—213.

глумленій его... Сковорода началъ чувствовать вкусъ къ свободѣ отъ суетностей и пристрастій житейскихъ, въ убогомъ, но безпечномъ состояніи, въ уединеніи, но безъ разстройки съ самимъ собою“ [1]). Притомъ же, у образованнаго помѣщика Томары, вѣроятно, была своя домашняя библіотека, доступная и для Сковороды. Но любимыми книгами своими онъ могъ пользоваться главнымъ образомъ въ тѣхъ учебныхъ заведеніяхъ, которыя онъ посѣщалъ или въ которыхъ былъ учителемъ нѣкоторое время. Такъ, во время посѣщенія своего въ 1755 году Троице-Сергіевой Лавры и семинаріи Сковорода читалъ въ тамошней библіотекѣ и перевелъ на латинскій языкъ какія-то греческія эпиграммы [2]). Можетъ быть, проживая у Томары, имѣвшаго домъ и въ Переяславѣ, до 1758 года онъ получалъ для чтенія книги изъ Переяславской семинаріи чрезъ друга своего іеромонаха Гервасія Якубовича [3]). Будучи учителемъ въ Харьковскомъ Коллегіумѣ въ 1760-хъ годахъ, Сковорода обучалъ своего любимца М. Ковалинскаго „греческому языку и чтенію древнихъ книгъ“, изъ которыхъ любимѣйшіе имъ были, по словамъ М. Ковалинскаго, слѣдующіе писатели: „Плутархъ, Филонъ іудеянинъ, Цицеронъ, Горацій, Лукіянъ, Климентъ Александрійскій, Оригенъ, Нилъ, Діонисій Ареопагитскій, Максимъ Исповѣдникъ, а изъ новыхъ— относительно къ симъ; глава же всѣхъ Библія“ [4]). Кромѣ того, самъ Г. С. Сковорода въ своихъ сочиненіяхъ и особенно въ письмахъ цитуетъ до 40 древнихъ и новыхъ писателей и между ними философовъ и мыслителей Платона,

---

[1]) „Сочиненія Г. С. Сковороды“, Харьковъ, 1894 г., отд. I, стр. 6 и 9.

[2]) Тамъ же, стр. 69 и 99.

[3]) Тамъ же, отд. II, стр. 279.

[4]) Тамъ же, отд. I, стр. 14. Слич. Каталогъ библіотеки Харьковскаго Коллегіума, принадлежавшій бывшему Бѣлогородскому епископу (1768—1771 г.г.) Самуилу Миславскому,—въ числѣ рукописей Кіево-Софійскаго собора, № 616.

Аристотеля, Діогена, Епикура, Сенеку, блаженнаго Августина, Іеронима, Боеція, Еразма Роттердамскаго и др. Нѣкоторые изъ нихъ были, повидимому, излюбленными писателями у Сковороды, усвоившаго имъ особые эпитеты, какъ, напр., *боговидецъ* Платонъ, *нашъ* Еразмъ Роттердамскій, и т. п.[1]). По свидѣтельству Ковалинскаго, цѣлью изученія всѣхъ этихъ авторовъ у Сковороды „было сердце, т. е. основаніе блаженной жизни“ [2]). А мы видѣли выше, что эта самая цѣль полагалась Георгіемъ Конисскимъ въ основаніе его философскаго курса, слушаннаго Сковородою въ Кіевской Академіи. Слѣдовательно, и въ началѣ Харьковскаго періода своей жизни Сковорода оставался вѣренъ философскимъ принципамъ, вынесеннымъ изъ Кіевской Академіи, съ тою лишь существенною разницею, что въ дальнѣйшемъ усвоеніи и разработкѣ ихъ онъ руководствовался уже не „смѣттями“ Аристотелевыхъ толкованій, а писателями классической древности, библіей и твореніями древнихъ отцевъ и учителей православной церкви и сочиненіями нѣкоторыхъ позднѣйшихъ писателей въ томъ же родѣ. Къ послѣднему выводу пришли, хотя и другимъ путемъ, и нѣкоторые новѣйшіе изслѣдователи сочиненій Сковороды, а именно профессора Ѳ. А. Зеленогорскій [3]) и А. С. Лебедевъ [4]).

---

[1]) Изъ другихъ писателей цитуются у Сковороды: Бароній, Бухнеръ, Виргилій, Галенъ, Gerardus Petrus, Гиппократъ, Демосѳенъ, Дрекселій Іеремія, Евагрій монахъ, Еврипидъ, Езопъ, Златоустъ, Исократъ, Клавдіанъ, Коперникъ, Лащевскій Варлаамъ, Менандръ, Муретъ, Непотъ, Овидій, Персій Флаккъ, Пиѳагоръ, Плавтъ, Плиній, Прокоповичъ Ѳеофанъ, Сократъ, Sidronius Hosius іезуитъ, Теренцій, Цезарь, Цицеронъ и др.

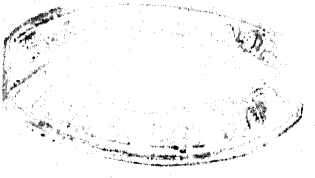
[2]) „Сочиненія Г. С. Сковороды“, 1894 г., отд. I., стр. 14.

[3]) Тамъ же, отд. I, стр. LVII—LXIII; журн. „Вопросы философіи и психологіи“, за 1894 годъ, кн. 3 и 4.

[4]) „Г. С. Сковорода, какъ богословъ“, Ам. С. Лебедева, Харьковъ, 1896 года.

Такимъ образомъ, Гр. Сав. Сковороду можно назвать однимъ изъ видныхъ преставителей возрожденія классицизма и въ частности философіи у насъ въ Россіи, примѣнявшимъ древнеклассическія и древнеотеческія начала къ рѣшенію современныхъ ему этическихъ вопросовъ и задачъ.

Н. Петровъ.



Оттискъ изъ журнала «Труды Кіевск. дух. Академіи» № 12, 1902 г.
Кіевъ, тип. И. И. Горбунова. Крещатикъ, д. № 38.